

Захарова Татьяна Владимировна

ИЗМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ ТРАДИЦИОННОГО ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ 1920-Х ГГ.

В статье рассматривается изменение системы традиционного жизнеобеспечения населения Горного Алтая в условиях советской продовольственной политики 1920-х гг.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-2/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. II. С. 87-91. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 902

В статье рассматривается изменение системы традиционного жизнеобеспечения населения Горного Алтая в условиях советской продовольственной политики 1920-х гг.

Ключевые слова и фразы: Горный Алтай; продовольствие; советская власть; изменения; система жизнедеятельности.

Татьяна Владимировна Захарова, к.и.н.

Кафедра всеобщей истории

Горно-Алтайский государственный университет

Zacharov.pavel@yandex.ru

ИЗМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ ТРАДИЦИОННОГО ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ 1920-Х ГГ.®

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Анализ адаптационных механизмов коренного населения национальных регионов России и их трансформация в условиях социальных преобразований первой трети XX в. (на примере Горного Алтая)», проект № 11-31-00740 м.

Первая мировая война, революция и гражданская война привели к кризису аграрного производства в стране, что выразилось в сокращении посевных площадей и поголовья скота. Страна оказалась в глубоком кризисе, государство почти ничего не производило. Экономический ущерб оценивался в размере более 50 млрд золотых рублей. Как и вся страна, Горный Алтай понес тяжелые материальные и людские потери, вместе с войнами пришли неурожай, падеж скота, голод и эпидемии. Особенно сильно пострадало животноводство, традиционно являющееся основой жизнеобеспечения населения.

К 1920 г. на долю Горного Алтая приходилось 9,5% скота, имеющегося в Алтайской губернии, таким образом, хозяйства региона в среднем потеряли треть поголовья скота по сравнению с 1917 г. Посевные площади сократились на 11,9%, часть хозяйств осталась без сельскохозяйственного инвентаря, упала их промысловость [28, с. 89-90]. Последствия гражданской войны особенно тяжело сказались на положении алтайского населения. По данным земельного отдела уездного ревкома, в 1921 г. только около 30% алтайцев не имели «ничего общего с кочевьем», а по своему жизненному укладу не отличались от оседлого русского населения [11, с. 38-39]. Оседлые алтайцы проживали, в основном, в северных районах Горного Алтая. Основная часть алтайцев вела кочевой и полукочевой образ жизни [22, д. 42, л. 26], при этом кочевники находились преимущественно в бассейне реки Чуи, а полукочевники - в западных и юго-западных районах Горного Алтая.

В отличие от оседлых, кочевые и полукочевые хозяйства вышли из гражданской войны более ослабленными, о чем сообщали с мест партийные работники. Так, в январе 1920 г. представитель Уймонского районного революционного комитета докладывал, что советская работа осложнялась здесь «полным разрушением алтайских хозяйств и вытекающей отсюда необходимостью немедленного выяснения и решения вопроса о дальнейшем сосуществовании алтайцев» [14, с. 21]. В такой ситуации в Бийский уездный революционный комитет срочно сообщалось: «...Алтай в значительной части пострадал от белых банд, разорен, некоторые селения выжжены, а помощь населению почти не оказывалась, сплошь и рядом встречаются семьи буквально голые...» [21, д. 31, л. 3]. Давая общую характеристику сельского хозяйства, земельный отдел уездного ревкома констатировал, что «существующее состояние скотоводства, конечно, не может обеспечивать существование алтайцев-кочевников, тем более что вторая отрасль хозяйства, которая составляла около половины бюджета инородцев - охота, находится еще в худшем положении» [5, с. 21-22].

Разрушительные последствия гражданской войны отразились и на социальной структуре населения. Согласно переписи 1920 г., произошло увеличение бедняцких хозяйств более чем в 1,5 раза. Почти на 80% поднялось количество хозяйств без рабочего скота и на 40% - бескоровных хозяйств [17, д. 179, л. 18]. Довольно сильно подорвал экономику региона и неурожай 1920 г. П. Я. Гордиенко позднее писал: «Разруха крепко дала почувствовать себя в Горном Алтае. Жители разоренных айлов вымирали от голода...» [7, с. 97]. По данным специального обследования питания и бюджета сельского населения, дефицит хлеба исчислялся в 298 тыс. пудов [9, с. 34].

В этой ситуации революционные комитеты взяли на себя решение проблем, связанных со снабжением и питанием населения. При этом ревкомы и продовольственные органы особое внимание обращали на снабжение алтайского населения, потому что для него проблема хлеба становилась проблемой выживания. Именно поэтому для Горного Алтая уменьшались и разверсточные задания. Для обеспечения населения в январе 1919 г. Бийский продовольственный комитет направил в распоряжение Улалинского райревкома 449 пудов пшеничной муки, 100 пудов соли, 1 ящик чая. Бийский уездный ревком со своей стороны издал приказ об обмолоте хлеба в степных волостях и его отправке в разоренные районы Горного Алтая. Нужда

в хлебе удовлетворялась и за счет поволостного перераспределения продуктов [4, с. 89]. Принятые меры были своевременными, но недостаточными. И. Б. Орлов считает, что «современные исследования продовольственной политики 1918-1920 гг. убедительно показывают, что последняя почти полностью разрушила сельское хозяйство страны и привела к голоду в ряде районов уже в 1920 г.» [25, с. 69].

Н. Ю. Белоусова отмечает, что «неверное представление руководства страны о запасах зерна на Алтае... и вследствие этого завышенная цифра разверстки создала в губернии кризисную ситуацию» [3, с. 38-40]. На самом деле реальные запасы зерна не были столь огромны.

По данным 1920 г. в Горном Алтае наблюдалось дальнейшее падение сельскохозяйственного производства, экономический упадок сопровождался уничтожением и разорением целых селений. Население большинства волостей голодало. Например, в Успенской волости в начале 1920 г. голодало три четверти населения, две трети населения Чемальской волости не имели хлеба. Особенно тяжелой была ситуация в национальном Кош-Агаче. Побывавший там летом 1920 г. член Горно-Алтайского оргбюро РКП(б) А. Иванов сообщал, что «население всего района ограблено, сидит без хлеба, соли, одежды, постройки сожжены» [6, с. 77]. Постоянное недоедание вело к ухудшению здоровья населения, появлению многих заболеваний.

Всю специфику и круг решаемых проблем как нельзя лучше отражает отчет за 1920 г. Горно-Алтайского районного ревкома в Бийский уездный ревком, из которого следует, что Горный Алтай в силу ряда обстоятельств оказался предоставлен самому себе. Горно-Алтайский ревком был неудовлетворен отсутствием помощи из Бийска.

Вследствие такого невнимательного и безразличного отношения Бийского ревкома к Горному Алтаю, последний остался без денег, хлеба, семян, чая, спичек, мануфактуры, соли, сахара. Если регион из перечисленных продуктов и товаров что-либо и получал, то их хватало на половину запланированного для потребления срока. А между тем руководству на местах было известно, что Бийск получал и имел достаточное количество финансов и продуктов питания. Дело, по мнению В. А. Демидова, «осложнялось тем, что председатель Горно-Алтайского ревкома В. И. Плетнев нередко игнорировал распоряжения не только Бийского ревкома, но и приказы, исходившие от имени губернских органов власти» [10, с. 68]. Несмотря на трения между Бийском и Горным Алтаем, такая ситуация вызывала недовольство населения, причем это недовольство переходило в недоверие к политике советской власти [8, с. 31]. Население отказывалось выполнять разверсточные задания, оказывало сопротивление продорганам, резало скот [9, с. 83], откочевывало за границу. Так материалы переписи казахского населения Кош-Агачской волости, проведенной в июле 1920 г., показали, что из почти 300 айлов в районе находится 91, а остальные откочевали в Монголию [1, с. 23]. В феврале 1921 г. выступления крестьян были зафиксированы в Паспауле, Уймоне, Огневке [26, с. 29]. В подавлении «внутренней контрреволюции» на Алтае участвовали не только регулярные войска, но и части особого назначения - ЧОН, войска ВЧК, милиция.

Следствием проводимой политики стало то, что к 1921 г. крестьянские хозяйства практически не имели запасов продовольствия, до минимума сократилось поголовье скота. Чтобы хоть как-то стабилизировать ситуацию 9 февраля 1921 г. уездный ревком создал чрезвычайную комиссию, которая должна была организовать питание «30000 голодающего инородческого населения», переведя его на больничный паек. Также предполагалось проводить регулярную раздачу продовольствия с привлечением в мобилизационном порядке русского населения, прибегнув к его помощи при выпечке и доставке хлеба. Одновременно с раздачей продовольствия намечалась культурно-просветительская работа, способствовавшая укреплению Советов в Горном Алтае.

Однако общий недостаток хлеба и продуктов питания свел акцию лишь к оказанию экстренной продовольственной помощи голодающему алтайскому населению. Н. А. Шипилова главную причину создавшейся ситуации видит в продразверстке, «поскольку весной у крестьян был конфискован даже семенной фонд, а в стране отсутствовали продовольственные резервы» [29, с. 109].

В рамках помощи «инородческому населению» в апреле 1921 г. Горно-Алтайский революционный комитет предложил Туектинскому и другим волостным революционным комитетам «ввиду отсутствия продовольственного хлеба на складе заготпункта в Алтайском отпустить инородцам вашей волости продовольственного хлеба по норме на один месяц из полученных вами запасов путем распределения» [4, с. 90]. Причем в инструкции давалось знать, что ревкомам необходимо принять самые экстренные меры по снабжению инородцев продовольствием на будущее [6, с. 83].

В Алтайской губернии «сбор продналога проходил в условиях, напоминающих продразверстку. Раскладка налога осуществлялась без участия населения. К началу кампании списки налогоплательщиков не были готовы. В подавляющем большинстве сел сбор налога проводился с использованием вооруженных отрядов...продработники, имевшие огромные полномочия, привыкшие в ходе продразверстки арестовывать всех, кто, по их мнению, тормозит работу по сбору продовольствия, действовали таким же образом и при сборе продналога...» [12, с. 138]. С точки зрения выполнения плана продналоговая кампания 1921 г. прошла успешно, окончательно подорвав сельское хозяйство.

Острый недостаток в хлебопродуктах, невозможность получения хлеба из производящих районов в обмен на продукты скотоводства и охотничьего промысла заставили население в силу необходимости обратиться к земледелию [18, д. 428, л. 82]. Однако успешное проведение сева было невозможно без решения семенной проблемы. Государство отпустило уезду 62 тыс. пудов семян [Там же, д. 204, л. 194], что позволяло засеять девятую часть запланированных площадей. Недостающие семена пришлось изыскивать на месте.

С целью обеспечения семенами малоимущих крестьян, волостные и сельские ревкомы организовали общественные амбары и внутреннее перераспределение семенного материала между домохозяевами. На это кулаки ответили скрытием семенного хлеба и организацией открытых выступлений против власти. Пытаясь сорвать сыпку семенного хлеба в общественные амбары, кулаки Айской волости, например, хотели подбить женщин на бунт, но власти вовремя приняли соответствующие меры [2, с. 64].

Проведению посевной кампании способствовала также организация прокатных пунктов сельхозинвентаря в селах Алтайском, Улале, Черге, Ильинском и Уймоне. В результате, если в целом по стране, в том числе и в Алтайской губернии, посевные площади яровых культур по сравнению с 1920 г. сократились, то в Горном Алтае они были, в основном, сохранены. По данным Горно-Алтайского продовольственного комитета, на 1 августа 1921 г. засев полей в его районе составил 97% от установленной нормы. Успешное выполнение посевного задания должно было оздоровить экономическую конъюнктуру не только для оседлого, но и для кочевых алтайского хозяйства.

Последствия хлебозаготовок проявились уже в начале 1922 г., когда голод охватил большинство уездов и волостей губернии, основные показатели сельскохозяйственного производства региона достигли самой низкой отметки. «В Горном Алтае площади посевов к 1922 г. снизились до 15,8 тыс. га или на 27,2% от уровня 1920 г. Почти две трети валового сбора урожая ушло в продрозверстку, в том числе половина за пределы Алтайской губернии. Из-за недостатка кормов население пошло на забой скота, так поголовье крупного рогатого скота уменьшилось на 25,1% от уровня 1920 г.» [13, с. 152]. Падение животноводства в 1920-1922 гг. обусловило сокращение производства и реализации для Западной Сибири и Алтая животного масла. Сложившаяся ситуация привела к тому, что в 1923 г. Ойротская автономная область была признана остро нуждающейся, поскольку в ней были фактически голодающие районы.

Между тем изъятый хлеб не всегда успевали вывозить, хранили под открытым небом на сыпных пунктах, в результате чего часть собранного зерна погибла. Это, в свою очередь, вызывало крайнее недовольство крестьян.

В весеннюю посевную кампанию 1923 г. регионом из государственных фондов было получено и распределено среди населения более 5 тыс. пудов семян зерновых. Центральная комиссия помощи голодающим выделила для населения Горного Алтая 700 пудов хлеба и 239 тыс. рублей на покупку семян и другие нужды, кроме того, на месте было закуплено 2780 пудов хлеба. По разнарядке Центрального комитета помощи голодающим областной отдел народного образования получил 5 пудов какао, 10 пудов сахарного песка, 30 метров мануфактуры [16, с. 220-221]. В 1924 г. на приобретение сельскохозяйственного инвентаря хозяйства получили 22 тыс. рублей. В феврале 1925 г. для восстановления сельского хозяйства Горного Алтая правительство страны по просьбе Сибревкома выделило кредит в размере 246 тыс. рублей [30, с. 19]. На заседании созданной при облисполкоме комиссии по ликвидации последствий голода (Последгол) в срочном порядке также был принят ряд решений: «Признать волости Чибитскую (общества: Кынгыларское, Едринское и Чибит-Курайское), Шебалинскую, Лебедскую, Успенскую, Чемальскую, Чергинскую (частично), Салдамскую и Тузгинскую остро нуждающимися и оказать помощь, размер которой определить по получении денег из Бийскгосбанка и закупке хлеба. Ввиду того, что область центром признана остро нуждающейся и ввиду того, что в настоящее время в области есть фактически голодающие районы, от шефства над Самарской губернией и Башкирской Республикой отказаться. Командировать за получением денег т. Чусова и поручить ему закупку хлеба в г. Бийске...» [20, д. 8, л. 5].

Анализируя доклады о положении в голодающих районах области, Последгол в срочном порядке принимает еще ряд мер, направленных на стабилизацию ситуации: отпускает Усть-Канской волости возвратную беспроцентную ссуду в 500 пудов, Уймонской - 300 пудов, Кош-Агачской - 200 пудов, Песчаной, Озеро Куреевской, Ыныргинской - по 100 пудов каждой, Чергинской волости - 50 пудов и безвозвратную ссуду детским и инвалидным домам - 100 пудов; поручает областной крестьянской секции закупить для голодающих 1500 пудов хлеба, для чего из средств Последгола отпустить 90000 рублей [Там же, л. 7].

Весной 1927 г. в стране вновь начались продовольственные трудности. Перебои с хлебом, повышение цен вызвали огромные очереди за продуктами питания. Ситуацию усугубляло то, что 1928-1929 гг. в основных зернопроизводящих районах страны: на Украине, Северном Кавказе и в Центрально-Черноземной области - был неурожайным. Для компенсации потерь руководство страны увеличило план сбора хлеба в более урожайных регионах, в том числе в Сибири. Для стимулирования населения, отмечает В. А. Ильиных, «увеличивался размер самообложения и вводилась система дифференцированных паевых взносов...» [15, с. 46], не подчиняющихся объявляли врагами советской власти со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В январе 1928 г. государство начало осуществлять ряд чрезвычайных мер при выполнении плана хлебозаготовок, целью которых было подстегивание хлебозаготовительной кампании. По всей стране начались повальные обыски и реквизиции хлебных «излишков». Тех, кто не желал расставаться с запасом хлеба, объявляли кулаками, имущество, скот конфисковывали. Подобный метод хлебозаготовок вошел в отечественную историографию как «урало-сибирский метод» [Там же, с. 45-48]. Несмотря на принятые меры, повысить объем хлебозаготовок в 1928 г. так и не удалось.

Из года в год местные органы власти пытались хоть как-то стабилизировать ситуацию. Так, Успенский аймачный исполнительный комитет в 1929 г., решая проблему снабжения населения хлебом, установил строгие нормы его распределения: тарифицированному населению, батракам и беднякам - по 16 кг. взрослым и по 8 кг. подросткам до 16 лет. Бедняцкое население с недостаточной тягловой силой для временной

поддержки на время распутицы снабжалось по 19 кг. на взрослого и по 8 кг. на подростка. Бедняцкой части также оказывалась особая помощь в хлебе во время весенней посевной кампании. Служащим, имеющим середняцкое хозяйство и тягловую силу, хлеб выдавался только на главу хозяйства - служащего, членам семьи ничего не отпускалось [19, д. 233, л. 33]. Недостающее количество хлеба алтайское население было вынуждено компенсировать сырчиком, чегенем и другими продуктами переработки молока.

Дефицит продовольствия привел к тому, что к началу 1929 г. во всех городах СССР была введена карточная система. Не стал исключением и Горный Алтай. Введя всесоюзное нормированное распределение продуктов питания, государство на первых порах гарантировало высокие и стабильные нормы снабжения, хотя в действительности нормы продажи продуктов по карточкам постоянно снижались, сокращался их ассортимент. Нехватка жизненно необходимых товаров, по мнению В. З. Дробизева, являлась причиной политической нестабильности [27, с. 100].

Таким образом, в 1920-е гг. под влиянием советской продовольственной политики произошло кардинальное изменение системы традиционного жизнеобеспечения населения Горного Алтая. Государство, как могло, гарантировало снабжение населения региона, на первых порах оказывая разовую помощь голодающим. В эти годы государственная политика в области продовольственного снабжения населения не была целенаправленной, носила характер антикризисных мер и формировалась в сложной политической обстановке. Особенно тяжело от голода пострадало коренное население Горного Алтая - алтайцы, для которого проблема хлеба стала проблемой выживания.

Список литературы

1. **Аблажей Н. Н.** Масштабы межгосударственной миграции в Горном Алтае // Социальные процессы в современной Западной Сибири. Горно-Алтайск, 2004.
2. **Алтай в восстановительный период:** сборник документов. Барнаул, 1960. 460 с.
3. **Белоусова Н. Ю.** Политика советского государства как причина возникновения народно-повстанческого движения на территории Алтайской губернии в 1920-1922 гг. // Актуальные вопросы истории Сибири: шестые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: сборник научных трудов: в 2-х ч. / под ред. В. А. Скубневского, Ю. М. Гончарова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Ч. 2.
4. **Болдуев А. А.** Горный Алтай в период военного коммунизма // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. Вып. 1.
5. **Болдуев А. А.** Первая продналоговая кампания в Горном Алтае // Там же. Барнаул, 1978.
6. **Гончарова О. А.** Горный Алтай: история народной медицины и здравоохранения. Томск, 2008. 247 с.
7. **Гордиенко П. Я.** Ойротия. Горно-Алтайск, 1994. 141 с.
8. **Горный Алтай: история социального развития первой половины XX века.** Томск, 2007. 346 с.
9. **Демидов В. А.** Боевая молодость. Горно-Алтайск, 1963. 125 с.
10. **Демидов В. А.** К социализму, минуя капитализм: очерк социалистического строительства в Горно-Алтайской автономной области. Новосибирск, 1970. 223 с.
11. **Демидов В. А.** Переход алтайцев на оседлость. Барнаул, 1968. 102 с.
12. **Дианов А. Г.** Влияние продналоговых кампаний 1921-1922 гг. на сельское хозяйство Алтайской губернии в освещении сибирской рабоче-крестьянской инспекции // Актуальные вопросы истории Сибири: шестые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: сборник научных трудов: в 2-х ч. / под ред. В. А. Скубневского, Ю. М. Гончарова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Ч. 2.
13. **Екеева Н. М.** Горный Алтай в 1921-1928 гг. // История Горного Алтая. Бийск, 2000. Ч. 2. Горный Алтай в 1900-1945 гг.
14. **Екеева Н. М.** Горный Алтай в 1922-1929 гг. // Горный Алтай в конце XIX - начале XX веков. Горно-Алтайск, 1997.
15. **Ильиных В. А.** Урало-сибирский метод хлебозаготовок // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2007.
16. **Календарь юбилейных и памятных дат Республики Алтай. 2008.** Горно-Алтайск, 2007. 240 с.
17. **Комитет по делам архивов Республики Алтай (КПДА РА).** Ф. Р-5. Оп. 1.
18. **Там же.** Ф. Р-12. Оп. 1.
19. **Там же.** Ф. Р-33. Оп. 1.
20. **Там же.** Оп. 6.
21. **Там же.** Ф. Р-458. Оп. 1.
22. **Там же.** Ф. П-1. Оп. 5.
23. **Там же.** Ф. П-1166. Оп. 1.
24. **КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.** М., 1984. Т. 3. 1922-1925 гг. 494 с.
25. **Орлов И. Б.** Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2008. 230 с.
26. **Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 - декабрь 1925 гг.:** сборник документов и материалов. Новосибирск, 1959. 658 с.
27. **Социальная политика Советского государства** / под ред. В. З. Дробизева. М., 1985. 333 с.
28. **Торушев Э. Г.** Уровень жизни сельского населения Горного Алтая с периода новой экономической политики до 1940 г. // Этносоциальные проблемы регионов Сибири. Горно-Алтайск, 2010. Вып. 15.
29. **Шипилова Н. А.** Западносибирская кооперация в период НЭПа // Алтайская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Горно-Алтайск, 2004.
30. **Эдоков И. П.** Коллективизация в Горном Алтае. Горно-Алтайск, 1987. 243 с.

THE CHANGE OF THE SYSTEM OF THE TRADITIONAL LIFE-SUPPORT OF GORNYI ALTAI POPULATION UNDER THE CONDITIONS OF SOVIET FOOD POLICY OF THE 1920S

Tat'yana Vladimirovna Zakharova, Ph. D. in History
Department of General History
Gorno-Altai State University
Zacharov.pavel@yandex.ru

The author considers the change of the system of the traditional life-support of Gornyi Altai population under the conditions of soviet food policy of the 1920s.

Key words and phrases: Gornyi Altai; food; soviet rule; changes; life activity system.

УДК 94(47).083

Статья раскрывает особенности взаимоотношений консулов и моряков торговых судов Российской Империи (вторая половина XIX - начало XX вв.). Основное внимание в работе автор акцентирует на публично-правовых функциях капитана, которые затрагивали деятельность и российского консула.

Ключевые слова и фразы: российский консул; капитан судна; торговый флот; судовой экипаж.

Андрей Вячеславович Зуев, к.и.н.

Кафедра теории и методики гражданско-правового образования
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
univerandrey@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОНСУЛОВ И МОРЯКОВ ТОРГОВЫХ СУДОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX - НАЧАЛО XX ВЕКА)[©]

Исторические исследования, посвященные становлению и развитию морского торгового флота Российской Империи, в настоящее время представляются крайне актуальными. В процессе прохождения службы на торговых судах и сами капитаны, и члены судового экипажа вступали в отношения как между собой, так и между определенными должностными лицами в порту. Данная статья предполагает оценку взаимоотношений, возникавших между российскими консулами и моряками торговых судов, прежде всего капитанами. Эта оценка должна включать в себя выявление не только особенностей этих взаимоотношений с юридической, но и с исторической точки зрения, опираясь, прежде всего, на архивные источники и их анализ в практической плоскости, «так, как это было в жизни». Такой анализ позволит выявить общую картину этих взаимоотношений и тем самым определить, насколько эффективно действовали сами правовые нормы.

Закон вменял в обязанность своим представителям, консулам и консульским агентам, не только принимать общие меры к развитию русских торговых отношений, но и проводить «наблюдение» за приходящими и отходящими судами, за сохранением порядка между «мореходцами», заботу о покровительстве им и надзор за правильным пользованием Российским флагом [5, § 47].

По прибытии судна в порт консул имел право требовать, чтобы капитан явился в консульство для предъявления своих судовых документов. Капитан обязан был исполнить это требование в течение 24 часов, предъявив консулу корабельную крепость, патент на поднятие российского флага, судовую роль, таможенный паспорт, если судно пришло из российского порта и карантинный патент [Там же, § 49], если судно принадлежало к одному из портов Черного моря. Документы эти оставались у консула в течение всего времени нахождения судна в гавани.

Кроме указанных бумаг, капитан обязан был предъявить в консульстве следующие документы, которые, после занесения их в консульскую книгу о посещении порта русскими судами, немедленно же возвращались: 1) мерительное свидетельство; 2) чертепартию, если судно было нагружено одним хозяином, и все коносаменты, если многими; 3) судовой журнал.

При остановках кратковременных, менее 24 часов, капитан мог ограничиться подачей консулу «объявления» о причинах остановки. Если капитан уклонялся от лежащей на нем обязанности явиться к консулу в установленный законом срок, то консул должен был лично явиться на судно или же послать своего вице-консула. О такой явке консула или его уполномоченных на судно составлялся протокол, капитан, и после этого не явившийся к консулу, подвергался взысканию штрафа в размере 5 рублей, «буде его неявка не оправдывалась не зависящими от него обстоятельствами».

Во время стоянки судна консул был вправе вызывать к себе капитана и членов экипажа для предъявления сообщений и требования объяснений и сведений, а равно и для допросов по жалобам и тяжбам. Консул